

ЗЕМНАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОМ МИФЕ

Е. Д. Маринова

HUMAN HISTORY AND ITS REPRESENTATION IN THE ESCHATOLOGICAL MYTHS

E. D. Marinova

Настоящая статья представляет собой часть исследования космогонической и эсхатологической мифологии народов Северной Европы (германский мир) в сопоставлении с ведической и индуистской мифологией, мифологией народов Мезоамерики, мифологией народов Сибири с позиций лингвокультурологии, этнолингвистики, исторической антропологии. Целью исследования является подтверждение или опровержение существующих концепций об универсальности/индивидуальности процессов складывания мифологических и религиозных воззрений у народов Мира. В статье приводятся две концепции истории человечества – циклическая и линейная – в сопоставлении с мифологическими и религиозными представлениями человека о зарождении Вселенной, архаическими мифами и обрядами, связанными с сакральным пространством и временем.

The paper in itself is a part of the research of the cosmogonical and eschatological mythology of the North European peoples (the Germanic world) in comparison to the Vedantic and Hinduistic mythology, the mythology of Mesoamerican peoples, the peoples of Siberia from the point of view of linguoculturology, ethnoinguistics and historical anthropology. The target of the research is either confirmation or refutation of the existed conceptions on the universality or individuality of the processes of mythological and religious view formation. The paper presents two concepts of human history – cyclic and linear – in comparison with the mythological and religious ideas about the origin of the Universe – archaic myths and rituals associated with the sacred space and time.

Ключевые слова: эсхатология, личная эсхатология, земная история, эпос, миф, циклическая история, линейная история.

Keywords: eschatology, personal eschatology, human history, epos, myth, cyclic and linear history.

Эсхатология (от греч. Eschatos = вершина, бездна, последний) – термин сравнительно новый (см. *Философский словарь, 1986*) – в богословии им стали пользоваться лишь в XIX в., связывая его с экзегетическим спором по поводу слов Христа о конце времен. Сегодня этот термин трактуется шире, имеет более общее значение: он обозначает размышления о конце и целях истории. В конце XX в. эсхатология становится модным литературным жанром. По замечанию П. де Лобье, не избежал этой темы и марксизм: в своем советском толковании марксизм предрекал наступление «светлого будущего», своего рода – конец истории. Учение “New Age” предрекает Эру Водолея – век всеобщего благоденствия. Пророчество это, впрочем, несколько омрачено возможностью самоуничтожения человечества в силу овладения им соответствующей техникой и технологиями. Но и термоядерная управляемая реакция не единственная угроза жизни человечества. П. де Лобье подчеркивает и опасно возросшие всепроникающие и все подавляющие действия мощных средств информации: любой из людей становится непосредственным свидетелем насилия и катастроф, что порождает чувство неуверенности, отягощенное осознанием одиночества и отчужденности индивида, приобретающим в современном мире массовый характер [6]. Неуверенность и чувство тревоги порождают и достижения таких наук как астрономия, астрофизика, доказавшие конечность существования Вселенной. Наличие водорода во Вселенной не бесконечно: через триллионы лет водород выгорит, так как его запасы истощатся. Звезды погаснут и Вселенная снова (как и до Большого взрыва) погрузится во тьму и начнет остывать.

Великие религиозные и философские традиции прошлого на протяжении тысячелетий ставили вопрос

о конце мира и человечества, однако понятия «эсхатология» тогда еще не существовало. Тем не менее, эсхатологическое сознание присутствовало и в языческих религиях (политеизм), и в монотеистических религиях, родившихся на Ближнем Востоке: иудейской, христианской и мусульманской, к которым принадлежит сегодня более половины человечества. Эти религиозные традиции и являются, по существу, главными историческими источниками по эсхатологии.

Существует две основных концепции истории – циклическая и линейная. Древнейшие цивилизации мира трактуют историю с разных позиций. Так, из христианской Библии мы знаем о сотворении мира за шесть дней из ничего (что отчасти подтверждается новейшими теориями «Большого взрыва»). Индийская и китайская цивилизации (и другие древние цивилизации Азии) тяготеют к пониманию истории в виде космических циклов, каждый из которых имеет три фазы – возникновение, эволюцию, гибель. Здесь необходимо заметить, что индусы, например, не отличают сакральное от обыденного. М. Элиаде видит в этом желание древних индусов, их надежду на существование в вечности. Даже архаические мифы и обряды, связанные с сакральным пространством и временем, М. Элиаде сводит к ностальгии о «земном рае», к «экспериментальной вечности», куда человек все еще надеется получить доступ [9]. Ясно одно, что ритмичность космических циклов задается жизнью и смертью, которые, в свою очередь, олицетворяют борьбу добра и зла: зло – разрушитель мира, а добро – создатель его, оно воссоздает мироздание.

Здесь было бы правильно сделать небольшое отступление, поскольку индуизм не является некой универсальной философией, представляющей единую

точку зрения на цикличность истории. Так кришнаизм (Сознание Кришны – Krishna Conscious), например, понимает историю как безвремяе – не было времени, когда нас не было и не будет времени, когда нас не будет. Человек, все наделенное сознанием существует в некоем непрерывном «сейчас» [2]. Совершенно неожиданно для себя находим подкрепление этой мысли у Д. С. Лихачева: «Муравей ползет, и то, что исчезло позади, для него уже не существует. То, к чему он ползет, для него еще не существует. Так и мы, все живое, обладающее сознанием, воспринимаем мир» [5, с. 120]. Размышляя об истории, Д. С. Лихачев приходит к выводу, что время – это лишь условие восприятия вневременного бытия – время – это только одна из форм восприятия действительности. По Апокалипсису, если времени больше не будет при конце мира, то его нет и как некоего абсолютного начала – при его возникновении и во всем его существовании. Вневременное бытие не отрицает «прошлое» как «часть вневременного монолита»: «Прошлое не уходит и не меняется потому, что оно вневременно с нами, оно неизменно, его не надо возрождать, оно монолитно со всем «последующим»». Отсюда, воскресение мертвых, которое обещает человеку не только христианство, но и многие другие религии и религиозные течения, и без которого нет нравственного утешения, наступает немедленно после смерти, как переход в вечность: «То есть мы просто вливаемся в мир вневременности, в мир вечности. И в этом мире мы находимся со всем тем, что совершили, со всем нами пережитым, со всем, что было, а на самом деле остающимся существовать» [5, с. 122 – 123].

Тема возрождения (нередко через превращения, т. е. через переселение душ), вообще говоря, присутствует во всех мифологиях независимо от региона проживания их создателей (см., например, древнегреческие мифы о смерти природы и ее возрождении). Эта тема – воплощение чаяния древнего человека о «нескончаемости» времен: время течет, но и непрестанно вновь обретается. Такая цикличность запечатлена в известной формуле древних китайцев – «инь» и «ян», хаос и порядок. Это то, что, вслед за М. Элиаде, П. де Лобье [6] называет «перманентной эсхатологией» (у М. Элиаде – «круг вечного возвращения»).

Концепция перманентности бытия находит и другое подкрепление – культ предков, которого не избежала ни одна древняя цивилизация: это и Египет, Месопотамия, Персия, Китай, Мезоамерика, Греция, древний Рим. Монголия, не сравнимые с вышеперечисленными по масштабу, но известные еще с палеолитических времен, все северные народы (чукчи, коряки, остяки и др.), древние финно-угорские народы (ныне их потомками являются зыряне, коми и др.) и пр. Перечислять можно бесконечно, ибо кроме крупных очагов цивилизации одновременно с ними существовали и менее масштабные центры цивилизации в местах проживания малых этносов. Культ предков – это и есть воплощение заветной мечты архаичного человека о вечной жизни. Другими словами, вечная жизнь – это память человечества: пока жива память о предках, до той поры живо человечество. То есть цикличность истории не знает абсолютного конца. Однако древний Египет развивает тему личной эсхатологии: сама жизнь – перманентна (жизнь и смерть

до бесконечности сменяют друг друга подобно восходу и закату солнца, их главного божества), но смерть отдельного человека неизбежна. Вот почему древние египтяне столь много внимания уделяли загробной жизни, это стало основным содержанием их мифологии. Личная эсхатология полностью определяется земной жизнью человека. Но, ведь, этот мотив встречается и в иудаизме (иудейские пророки), христианстве (Библия), исламе.

Греко-римская или, лучше, средиземноморская цивилизация концепцию цикличности истории систематизировала в мифологии. Здесь и чаяния о золотом веке человечества, который одновременно является и прошлым и будущим, и победа добра над злом в их извечном противоборстве, и возникновение новых царств, их упадок, влекущий за собой их гибель, но уже в самой гибели заложено их возрождение. Посредством мифа, таким образом, человек пытался постичь не только то, что ему было дано осознанием, обонянием и зрением, но и то, что не доступно пониманию, находится за пределами его опыта. То есть и азиатские и средиземноморские цивилизации признают, что у истории нет абсолютного конца, ибо конец – это само начало.

Не только древние, но и наши современники утверждают, что общество состоит не только из живых, но и из мертвых, о которых помнят живые (см. культ предков) [4]. Таким образом, личная эсхатология никак не противоречит идее о том, что история не имеет абсолютного конца.

Однако все это – ментальные построения гуманитариев – философов, теософов, а современное естествознание, физика, астрономия имеют свой взгляд на проблему конечности времен: начало Вселенной – в Большом взрыве, будет ей и конец: после выгорания водорода Вселенная вновь погрузится в космический холод и тьму. Но кто уверен в том, что это – конец? Не начнется ли все сначала?

Другое понимание земной истории – линейное – характерно для христианства и зафиксировано в Библии. Такое понимание признает (и само порождает) абсолютную эсхатологию всего сущего в мире, включая человека: человек бессмертен, но не безусловно. Не каждый человек сподобится вечной жизни, т. е. как и в других религиях, цивилизациях, мифологиях земной путь человека определяет (после суда), достоин ли он вечной жизни.

И древние люди, и наши современники верят в необратимость линейной концепции истории, но она, линейность, и обескураживает: все в мире по определению ново и движется к концу. Библия учит, что есть миру абсолютное начало (возник из ничего), будет ему и конец (канет без следа).

С точки зрения психологии мифотворчества мифы рождаются из глубинной тревоги, вызванной условиями существования в суровом мире. Несмотря на то, что тревоги вызваны причинами практическими, они не поддаются сколько-нибудь рациональному осмыслению, то есть логике. По замечанию К. Армстронг [1], логос принципиально отличается от мифологического мышления. В отличие от мифа, логос должен соотноситься с объективными фактами. Логос позволяет человеку (в виде интеллектуальной деятельности) изменять окружающий его мир, приводить

его в соответствие со своими потребностями. Есть и другое отличие: логос прагматичен, он устремлен в будущее, а миф обращен в прошлое, к священным воображаемым архетипам (например, к потерянно-раю). Логос активно преобразует мир, стремится к контролю над ним, а миф помогает человеку в мире идеального – справиться, например, с обуревающими его эмоциями, в том числе – с тревогой, страхом перед величием Природы, которую ему не дано постичь. По остроумному замечанию К. Армстронг, человек разумный «с самого начала интуитивно чувствовал, что миф и логос делают каждый свое дело. Логос служил ему для изобретения новых видов оружия, а миф с сопутствующими ему ритуалами позволял примириться с трагическими фактами действительности» [1, с. 42]. Действительно, скорбь о погибшем на охоте или в ходе межплеменного конфликта соплеменнике мог утешить только миф. И в более поздние времена, в послеосеовой период (с 200 г. до н. э. по 1500 г. н. э.) скандинавские саги (миф, эволюционировавший в эпос) помещают погибшего в бою в Вальхаллу, даря ему вечную жизнь и вечное блаженство [7].

Поздняя скандинавская мифология послеосеового периода демонстрирует, скорее, линейное понимание земной истории – в ней присутствует «направленное время», движущееся от начала к концу [8, с. 3]. Эсхатологическая тема присутствует в скандинавской мифологии в виде убеждения в том, что гибель мира неизбежна, так как мироздание рукотворно, а потому обречено на гибель. Вместе с мирозданием гибнут боги, гибнут раз и навсегда только потому, что такова их судьба. Таким образом, в северогерманской Эсхатологии появляется новый мотив – мотив Судьбы, Предопределения, Рока. Они довлеют не только над людьми, но и над богами, над всем сущим – идеальным и материальным мирами. Волею судеб само сотворение мира зиждется на гибели великана Имира, а потому мир прекращает свое существование. Здесь, с точки зрения современного читателя, нет абсолютно конца, но есть надежда – Мировое древо Игдрасиль, пронизывающее и объединяющее вселенную, остается невредимым, а значит, все может начаться сначала. Для этого нужны определенные условия, о которых, как и о самой возможности возрождения, северогерманская мифология умалчивает.

Земная история, по мнению А. Я. Гуревича [3], лучше всего представлена в «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона. Здесь восприятие времени древними скандинавами отразилось, с одной стороны, в стремлении к изложению хронологии событий, с другой стороны, указание времени неопределенны, нет здесь и каких-либо указаний на летосчисление, поскольку Снорре руководствовался генеалогией [3, с. 24]. Таким образом, мир древних северных германцев генеалогически ориентирован и этим привносит противоречие в линейность понимания эсхатологии этим этносом. Получается, что время не линейно, а циклично, поскольку это цепь человеческих поколений (сравните – культ предков). Как замечает А. Я. Гуревич, время для древних скандинавов – параметр человеческих деяний: «где ничего не происходит, там как бы и нет времени» [3, с. 26]. Само название «Хеймскрингле» уже содержит понятие «циклич-

ность». Однако в масштабах саг, отражающих самый архаический пласт общественного сознания, «цикличность времени и генеалогический принцип его счисления – лишь один аспект изображения времени» (Там же). Королевские саги, «хотя и не знают абсолютной хронологии» (А. Я. Гуревич) ориентированы на продолжительность жизни или правления конунга, т. е. система отсчета времени в них зависима от содержания саги. И в то же время сага имеет свои собственные временные ориентиры, свою направленность во времени [3, с. 27]. Так, в сагах появляются сезонные временные ориентиры, или ориентиры, связанные с каким-либо памятным событием (например, «когда они съели всю ту пищу, начался великий голод»... или «в ту зиму» и т. п.). Это, впрочем, весьма характерно для всех этносов, так как чем древнее общество, тем больше оно зависит от климата, природных циклов.

Тема, поднятая в настоящей статье, воистину неисчерпаема. Помимо скандинавского эпоса мотив земной истории отражен и в англосаксонском эсхатологическом эпосе, и в эпосах других западногерманских народов, других народов в разных регионах мира. С этой точки зрения представляется интересным сравнительно-сопоставительный анализ мифологии коренных народов Сибири (в том числе народностей, населяющих юг Кузбасса) и северогерманского эпоса. Так, воззрения шорцев, описанных В. Кимеевым, полагаем вполне сопоставимыми с северогерманской космогонической и эсхатологической мифологией. Подобно германцам, шорцы так же верили, что на земле обитают духи предков – покровителей домашнего очага, которые имели антропоморфное изображение (орекеннер). Впрочем, у шорцев существовали различные вариации их материального воплощения, соответственно, они имели разные названия: орекеннер, тор-кижи, тор-кижилер [9]. Так реализовался культ предков, свидетельствующий о циклическом понимании земной истории. Как и германцы, шорцы верили, что мир и человека сотворили верховные божество Ульген и его брат Эрлик, символизирующий злое начало. Ульген сотворил солнце, луну, звезды, ровную землю и на ней реки, а Эрлик поставил на земле горы. Ульген создал птиц, зверей, человека, а душу в человека вдохнул Эрлик. Для шорцев власть Ульгена и Эрлика над человеком одинакова. Счастье, воля, богатство – это воля двоих, даже несчастья определяются обоими началами [9]. Сходна и «топография» миров: и в северогерманском эпосе, и в шорской мифологии мир разделен на три сферы. У шорцев это небесная земля (Ульген-чер – земля Ульгена (небо); средний мир – орты-чер или бистын-чер (наша земля) и подземный мир айна-чер (земля злых духов) [9]. На этом сходство не кончается. Необходимо обратиться к изучению факторов, допускающих подобное сходство. Известно, насколько важна роль климата и ландшафта, то есть природного фактора в создании общественных отношений, общественных институтов, материальной культуры, начиная с верхнего палеолита и вплоть до послеосеового периода. Не безынтересно сопоставить условия бытования северных германцев и мрасских, кондомских и верхнеабаканских шорцев. Представляется, такое сопоставление может принести неожиданные интересные результаты.

Литература

1. Армстронг К. Краткая история мифа. М., 2005.
2. Бхактиведанта А. Ч. Свами Прабхупада Бхагавад-Гита как она есть. Режим доступа: www.bbt.info
3. Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972.
4. Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2011.
5. Лихачев Д. Мысли о жизни. Письма о добром. М., 2013.
6. Лобье де П. Эсхатология. М., 2004.
7. Скандинавская мифология: энциклопедия / под ред. К. Королева. М., 2004.
8. Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976.
9. Элиаде М. Космос и история. М., 1998.
10. Кимеев В. М. Религиозные верования шорцев. Режим доступа: [http:// lik – kuzbassa.narod.ru](http://lik-kuzbassa.narod.ru)

Информация об авторе:

Маринова Елена Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики факультета романо-германской филологии КемГУ, elmar53@bk.ru.

Elena D. Marinova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Translation, Interpretation and Linguistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 29.12.2014 г.